

В день, когда состоялось погребение кастеляна Вобана, даже небо было мрачным. Подполковник — нет, теперь кастелян — Леонид подумал, что в такой безрадостный момент солнечный свет был бы неуместен.

Два дня прошло с тех пор, как торпеда поразила Тор Кристо, но густая пелена пепла все еще висела в кроваво-красном небе, отчего в долине независимо от времени суток царили неизменные сумерки, а температура упала почти до нуля. Поднимаясь по лестнице в тысячу ступеней, что вела по северному склону долины к Гробнице, Леонид дрожал от холода. Он был одним из четверых, кому выпала честь нести гроб с телом погибшего кастеляна к месту последнего успокоения.

В последний раз почетная стража в две тысячи человек выстроилась, чтобы проводить своего командира. По обеим сторонам лестницы, на каждой ступени, стояло по гвардейцу, и у Леонида при виде их навернулись на глаза слезы.

Вобан говорил, что, по его мнению, подчиненные его не любили.

Теперь Леонид знал, что это неправда.

Он, а также Морган Кристан, Пит Андерс и брат-капитан Аларик Эшара несли похоронные носилки из темного джуранского дуба, на которых стоял простой гроб из черного дерева. Внутри — прах кастеляна Вобана; Магос Биологис подготовили останки к помещению в оссуарий Гробницы. День для этого выдался безжизненно тихим, как будто даже враг отдавал почести храброму воину, отправившемуся в последний путь.

Мысль о враге вызвала на глазах Леонида новые слезы.

Он видел, как Железный Воин пронзил мечом грудь Вобана. Тогда Леонид закричал, отказываясь верить собственным глазам, и рухнул на колени посреди обращенной в руины батареи. Капитан Эшара и библиарий Корвин оттеснили врага от тела кастеляна, и солдаты из 383-го Драгунского Джурана отнесли своего павшего командира обратно в цитадель.

Леонид хотел верить, что Вобан погиб, зная, каким успехом увенчалась его смелая вылазка в стан врага. Практически все боевые машины на батарее были уничтожены: частью благодаря подрывным пакетам, частью — в результате катастрофического по масштабам взрыва орбитальной торпеды; о размере же сопутствующего урона, который нанесли последовавшие за этим радиоактивные осадки, мог знать лишь Император.

И Богу-Императору Леонид — в очередной раз — вознес хвалу за то, что Всемогущий помог Имперским Кулакам добраться до планеты. Их прибытие не только воодушевило весь гарнизон; они принесли вести, которые, как верил Леонид, могли дать вполне реальную надежду.

Он получил сообщение о том, что Кулаки прибыли, незадолго перед тем, как отправиться к

Вобану с планом атаки. Вначале Леонид не поверил, подумав, что это какой-то жестокий обман, но затем бросился из своих покоев — и увидел их сам, покрытых пеплом, усталых. Благословляя имя Рогала Дорна, он побежал им навстречу, но на ум не шли никакие слова, кроме вопроса:

— Каким образом?

Заговорил командир космических десантников:

— Я брат-капитан Эшара. Вы здесь командуете?

— О... нет, — сумел произнести Леонид. — Цитаделью командует кастелян Вобан. Я подполковник Леонид, его заместитель. Откуда вы взялись?

— «Юстиция Фидес», наш ударный крейсер, уже готовился к переходу в Эмпиреи, когда астропаты сообщили, что с этой планеты получен слабый сигнал бедствия, — объяснил Эшара. — Префикс срочности, который был в сигнале, был достаточным поводом для того, чтобы я немедленно приказал им передать сообщение на базу флота на Гидрафуре, а потом повернул обратно к Гидре Кордатус.

— А что вражеские корабли на орбите?

— Военный корабль хаоситов едва не засек нас у точки перехода, но, как только мы отошли на безопасное расстояние, я приказал следовать к источнику сигнала на полной скорости. Обойти грузовозы на орбите было несложно, но нам пришлось направить «Громовые ястребы» к горам в сотне километров от этой крепости, чтобы избежать столкновения с наземными войсками противника. А потом мы пешком перевалили через горы и добрались до вас.

Леонид не переставал удивляться, как спокойно говорил Эшара об этом невероятном путешествии по горам, словно для его людей это было обычным делом. Всего два дня, чтобы преодолеть самую суровую и непроходимую местность, которую Леониду доводилось видеть. Гвардеец Хоук потратил почти сутки, чтобы пройти лишь восемь километров, но вот сотня...

Более того, неполными пятью часами позже космические десантники вступили в масштабное сражение и вышли из него победителями: в том, что Битва за батарею закончилась победой, их заслуга была не меньшей, чем джуранцев.

Содрогнувшись, Леонид посмотрел на мрачную, черную башню впереди, всем сердцем ненавидя ее внешнюю безрадостную строгость и жалея, что им всем приходится выполнять этот скорбный долг. Но, как бы то ни было, они его выполняют.

Процессия приблизилась к дверям Гробницы, и Леонид опустил взгляд. У открытого входа, склонив головы с тонзурами, стояли священники. На крюках вокруг дверного проема висели

дымящиеся кадилаицы, и воздух пропитался густым ароматом джуранских благовоний.

Когда четверо несущих гроб вошли в Гробницу, из рядов собравшихся солдат прозвучал одинокий голос:

— 383-ий, на караул!

Две тысячи гвардейцев ударили каблуками по каменным ступеням, и звук этот эхом прокатился по склонам гор; а затем долина содрогнулась от оглушительного залпа, сделанного одновременно из двух тысяч ружей.

Несмотря на прохладный день, в зале для брифингов, в который один за другим зашли офицеры, было жарко. Теперь Леонид стал командующим Джуранскими драгунами, но он не занял место во главе стола, а сел, как и раньше, справа от кресла Вобана.

Он наблюдал за тем, как офицеры полка — его полка, хотя к этой мысли еще нужно было привыкнуть — войдя в зал, отдают ему честь, и только потом садятся. Они ждали от него правильных решений, и Леонид лишь надеялся, что оправдает это ожидание.

Вобану — прирожденному лидеру — руководство людьми давалось на первый взгляд без всяких усилий, но за последние два дня Леонид увидел, как это сложно на самом деле. Каждый день приходилось решать сотню вопросов, и в каждом случае ошибка повлекла бы за собой смертельно опасные последствия. Был ли он действительно готов к тому, чтобы взять на себя командование полком и обороной цитадели? Он этого не знал.

Морган Кристан и Пит Андерс заняли свои обычные места. Напротив них разместились командиры отряда Имперских Кулаков — брат-капитан Эшара и библиарий Корвин, оба в отполированных до блеска желтых доспехах. Леонид был благодарен им за оказанную поддержку и понимал, что теперь, когда Вобана не стало, их помощь будет вдвойне необходима. Принцепс Дазкиан и магос Наицин также присутствовали на собрании, но сидели в конце стола, что отражало неприязнь, которую они вызывали среди джуранцев.

Майор Кристан здоровой рукой взял бутылку амасека, стоявшую на подносе посередине стола, и налил себе, Леониду и Андерсу, после чего наполнил стаканы у напротив пустых кресел Вобана и Тедески. Он предложил выпить и двум космическим десанникам, но те вежливо отказались; новому командиру Легио Игнатум и представителю Адептус Механикус он такого предложения не сделал — специально. Пит Андерс достал из внутреннего кармана кителя несколько тонких папирос с черутом, которые так любил Вобан, и предложил их сидящим за столом. Все джуранские офицеры взяли по одной, но космические десанники вновь отказались.

Леонид поднял стакан, окидывая взглядом флаги и эмблемы полков, украшавшие стену зала. Столько людей сменили друг друга в гарнизоне этой крепости; столько героических имен было забыто. Он пообещал себе, что Претр Вобан не войдет в их число.

— За кастеляна Вобана, — объявил Леонид.

— За Вобана, — отозвались офицеры и одним глотком осушили стаканы.

Леонид затянулся папиросой — и закашлялся, когда от едкого дыма черута перехватило горло. Раздалось несколько смешков: все офицеры знали, что он не одобрял такие вредные привычки.

— Джентльмены, — заговорил Леонид, кривясь от неприятного привкуса дыма. — Осада идет уже три недели. Нам пришлось нелегко, мы потеряли многих добрых друзей, но все-таки задали этому хаоситскому отребью трепку, которую они еще долго не забудут. Неважно, как закончится эта битва, я хочу, чтобы вы знали вот что: вы с честью выполнили свой долг, и я горжусь тем, что сражался рядом с вами.

Указав на Астартес, сидевших слева от него, Леонид продолжил:

— Капитан Эшара сообщил мне, что Империи уже знает о нашей беде, и подкрепление уже в пути. Капитан полагает, что помощь прибудет через...

— Пятнадцать, двадцать дней максимум, — закончил за него Эшара, и голос его звучал властно и отрывисто. — К счастью, менее чем в двадцати световых годах от той точки, где мы перехватили ваш сигнал бедствия, находится промежуточная астропатическая станция, принадлежащая Адептус Механикус, поэтому связаться с военными кораблями нетрудно. Код тревоги, который мы зашифровали в сообщении, обеспечит незамедлительную реакцию.

Сидевшие за столом заулыбались и стали пожимать друг другу руки, радуясь этой новости; но Леонид остался серьезным:

— Помощь уже на подходе, но для сохранения дисциплины я хочу, чтобы эта информация пока держалась в тайне. Когда солдаты начнут задавать вопросы, скажите им, что мы ждем подкрепления, но не говорите о сроках. Не сомневайтесь: теперь, после поражения на батарее, враг еще сильнее захочет отомстить.

— Ваш кастелян прав, — сказал библиарий Корвин, наклонившись вперед и соединив кончики пальцев. Его лицо все еще было осунувшимся и бледным: он защитил джуранцев от энергии Хаоса, заточенной в машинах войны, но это потребовало очень много сил. — Орудия, которые вы уничтожили на батарее, были не просто инструментами войны. Их оживляли страшные демонические сущности, заточенные в машины ценой крови невинных и благодаря дьявольским договорам, заключенным с Губительными Силами. Из-за разгрома на батарее многие из этих договоров оказались нарушены, и Железным Воинам потребуется кровь, чтобы их восстановить. Наша кровь.

— Вы много знаете о Железных Воинах, сэр. Есть ли что-нибудь, что могло бы помочь в битве с ними? — спросил Андерс.

Корвин кивнул:

— Железные Воины — одни из самых ужасных врагов, с которым сталкивался Империиум. Десять тысяч лет назад они занимали достойное место среди самых любимых сынов Императора, были Его самыми доблестными и храбрыми солдатами; но в долгих сражениях Великого крестового похода они изменились, ожесточились, и в итоге собственные цели стали для них важнее долга перед Императором. Когда Великий Предатель, чье проклятое имя я не буду называть, восстал против нашего властителя, Железные Воины отказались от старых клятв верности и присоединились к нему в войне против Императора. Многие из истории тех дней навеки утрачено, но известно, что Железные Воины осквернили священную землю Терры и обратили свои умения, отточенные в бесконечных сражениях, на то, чтобы обрушить стены, возведенные Рогалом Дорном, нашим примархом. Недооцените Железных Воинов — и вы совершите страшную ошибку. Да, потеря демонических машин стала для них серьезным ударом, но они найдут другой способ поквитаться с нами, и мы должны быть к этому готовы.

— Библиарий Корвин прав, — согласился Леонид. — Мы должны сделать все, чтобы подготовиться к их новой атаке. — Он отодвинул кресло и затушил папиросу, а затем встал и зашагал вокруг стола. — Мы должны восстановить парапеты, чтобы на них можно было снова разместить солдат. Должны установить на стенах новые орудия, потому что даже сейчас — и я в этом не сомневаюсь — в нашу сторону прокладываются новые траншеи, и их надо беспощадно обстреливать день и ночь.

— Не уверен, что наши склады боеприпасов смогут обеспечить обстрел подобной интенсивности, подполковник Леонид, — заметил магос Наицин.

Леонид даже не старался скрыть презрение, которое он чувствовал к магосу.

— Наицин, когда мне потребуется ваше мнение, я спрошу вас сам. Уясните вот что: чем больше пороха мы потратим сейчас, тем меньше крови прольют мои люди в последнем бою. — Он отвернулся от магоса и продолжил: — Взводы каждого батальона должны распределить между собой вахты и сменяться через каждые шесть часов. Люди утомлены до предела, а я хочу, чтобы гарнизон на парапете всегда был в полной боевой готовности. Но отработайте со всеми процедуру размещения на стенах — когда будет дан сигнал тревоги, каждый солдат сразу же должен занять свою позицию.

Андерс и Кристан кивнули, делая пометки в личных инфопланшетах. Принцепс Дазкиан тоже дописал что-то, а затем спросил:

— Чем может помочь Легио?

Леонид взглянул на другой конец стола.

— Понятия не имею. Что вообще может Легио? — прорычал он.

Дазкиан встал и, держась скованно, сцепил руки за спиной.

— Немногое — пока враг не преодолеет внешние стены, — признал он.

— Тогда какая мне от вас польза? — резко спросил Леонид.

Дазкиан продолжил — спокойно, так, словно последней реплики Леонида не было:

— Но если враг все же прорвется, мы можем с гораздо большей эффективностью прикрыть ваше отступление за внутреннюю куртину. — Заметив скептический взгляд Леонида, он мрачно улыбнулся: — Орудия, установленные на стенах, легко взять в вилку и уничтожить, поверьте моему слову. У меня осталось два «Пса войны», которые будут гораздо подвижнее. «Псы» не так высоки, чтобы по ним можно было вести огонь из-за стен, и они лучше всего подойдут для огневой поддержки. «Грабители» и «Гонорис Кауза» должны оставаться за куртиной, иначе их уничтожат еще до начала сражения, но вы сможете использовать их как мощный резерв для контрнаступления.

Дазкиан на мгновение умолк, а затем добавил:

— Вы гордый человек, кастелян Леонид, но я знаю: вам хватит мудрости, чтобы увидеть истину в моих словах. Вы злитесь на Легио, но не позволяйте этому чувству ослепить вас.

Лицо Леонида покраснело, на скулах заходили желваки, но капитан Эшара, выпрямившись во весь свой немалый рост, встал между двумя офицерами.

— Кастелян Леонид, не возражаете, если я вас прерву?

Леонид кивнул и, скрестив руки на груди, вернулся на свое место; Эшара же двинулся вокруг стола, забирая у каждого офицера его трость. Трости эти — тонкие, с серебряным набалдашником — были лишь данью церемонии, и во время строевой подготовки офицеры полка обычно носили их подмышкой левой руки.

Собрав их, он вернулся во главу стола и протянул одну трость Леониду.

— Переломите ее, — попросил он.

— Зачем?

— Сделайте мне одолжение.

Леонид с легкостью переломил трость надвое, после чего положил расщепившиеся остатки на

стол. Астартес передал ему еще одну трость.

— Еще раз.

— Не понимаю, при чем тут...

— Давайте же, — приказал Эшара.

Леонид, пожав плечами, переломил вторую трость с той же легкостью, что и первую, и положил обломки обеих рядом. Третью трость постигла та же участь, а затем Эшара собрал шесть фрагментов, лежавших перед командиром джуранцев. Он сложил их вместе, скрепил в связку стеблем черута и отдал Леониду.

— Попробуйте сломать вот это.

— Как скажете, — вздохнул Леонид, взялся за толстую связку и попытался ее согнуть. Его лицо исказилось от напряжения, но, несмотря на все усилия, обломки не поддавались. В конце концов он сдался и отбросил связку — так и оставшуюся несломленной — на стол.

— Не получается, — признал он.

— Вот именно, — подтвердил Эшара и, подобрав связку, положил руку Леониду на плечо. — В этом зале я вижу людей, которые ни на шаг не отступают перед врагом, страшнее которого не найти, и это наполняет меня гордостью. Но я сражаюсь дольше, чем прожил любой из вас; я сталкивался с самыми разными противниками и бился плечом к плечу с поистине великими воинами. И ни разу не проигрывал бой, так что слушайте меня внимательно. Для того чтобы защитить дело Императора, вы должны понять, что стали частью неизмеримо более масштабной войны и что вы не можете сражаться только за себя. Этот путь ведет лишь к проклятию и гибели. Вместе вы крепче адамантия, но по отдельности вас сломят, как эти трости. Кастелян Вобан это понимал. Возможно, он злился по поводу некоторых решений, принятых в прошлом, но он знал, что в вопросах командования личным чувствам не место.

Эшара подошел к полковому знамени Джурана и, подняв его, провел пальцем по словам, вышитым по нижнему краю полотнища.

— «Fortis cadere, cadere non protest». Девиз вашего полка, кастелян Леонид. Скажите мне, что значат эти слова.

— Они значат «Храбрый может упасть, но не отступить».

— Точно, — сказал Эшара и указал на противоположный край стола: — А «Сила в единстве»? Магос Наицин, разве это не один из афоризмов вашей организации?

— Один из многих, — признал Наицин.

Эшара кивнул в сторону принцепса Дазкиана.

— Принцепс? Девиз вашего Легио, пожалуйста.

— «Inveniam viam aut faciam». Это значит «Или найду дорогу или проложу ее сам».

— Очень хорошо, — кивнул Эшара, возвращаясь к своему месту. — Теперь понимаете? Я пробыл здесь совсем недолго, но уже вижу раскол среди вас. Об этих мелочных распрях нужно забыть — иного пути нет.

Взглянув на несломленную связку прутьев. Леонид потер небритый подбородок, а затем поднялся, чтобы обратиться к своим подчиненным:

— В словах капитана Эшары — истина и ясность, которые мы утратили. Джентльмены, с этого момента мы — братство, объединенное одним священным делом, и я лично буду разбираться со всяким, кто посмеет угрожать единству этого союза.

Леонид твердым шагом прошел к другому концу стола и остановился рядом с принцепсом Дазкианом, который поднялся со своего кресла. Кастелян Гидры Кордатус обнажил меч, который Дазкиан отдал ему, и поклонился, возвращая оружие законному владельцу.

— Думаю, это принадлежит вам.

Дазкиан кивнул и протянул Леониду руку.

— Оставьте его себе, кастелян Леонид. Вам этот меч больше подходит, а у меня есть еще один.

— Как скажете, — улыбнулся Леонид, вложил меч в ножны и ответил на рукопожатие Дазкиана.

Затем кастелян обогнул стол, чтобы оказаться лицом к лицу с магосом Наицином.

— Магос, любая помощь, которую вы можете нам оказать, будет принята с благодарностью.

— Я ваш слуга, подполковник, — Наицин встал и поклонился.

Леонид пожал руку Наицина, затянутую в перчатку, и признательно кивнул капитану Эшаре. Может быть, ему все же удастся сохранить этот союз вопреки всему.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/675431>